
РЕЦЕНЗИИ

И. А. БАБОША

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ ДЕМОКРАТИИ В ПОЛЬСКОМ И НЕМЕЦКОМ ПУБЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ

Монография польской исследовательницы Моника Гжешичак (Grzeszczak 2015) посвящена профилированию понятия «демократия» в польском и немецком публичных дискурсах в период с 1989 по 2009 г. М. Гжешичак обозначила две основные цели работы: во-первых, реконструировать концепт как базовый стереотип демократии в польском и немецком языках, закрепленный в словарях и запечатленный в обыденном сознании; во-вторых, выяснить на материале собранных текстовых источников, какие признаки приписываются демократии в рамках польского и немецкого публичных дискурсов. Автор – представитель известной Люблинской школы когнитивной этнолингвистики, основанной известнейшим польским лингвистом Ежи Бартминьским на базе Университета им. Марии Кюри-Склодовской.

Ключевые слова: публичный дискурс, новейшая история, польская демократия, немецкая демократия, концепт, общественные ценности.

Понятие «демократия», как известно, имеет весьма широкий набор коннотаций. Демократия может быть «либеральной», «социалистической», «буржуазной», «христианской» или даже «национальной» («суверенной»). Очевидно, что культурно-историческая специфика той или иной страны определяет также то, как будет трактоваться это понятие. При этом, например, даже близкие по языку и культуре Великобритания и США выработали разные модели функционирования демократических институтов (формы

История и современность, № 1, февраль 2021 111–123

правления): в первом случае действует парламентская монархия, во втором – президентская республика. В Соединенном Королевстве социал-демократическая Лейбористская партия является значительным политическим субъектом, в то время как в США социалистические идеи не пользовались до последнего времени массовой поддержкой электората Демократической партии. Так или иначе, демократические идеи распространяются в рамках самых разных политических дискурсов в самых разных частях мира. Следовательно, необходимо учитывать, что, рассуждая о демократии, те или иные представители политических движений и СМИ той или иной страны вкладывают в это понятие разные смыслы.

Как можно систематизировать различные интерпретации демократии? Как можно распознать реальную сущность программ тех или иных политических сил за внешним слоем стандартной демократической риторики? Одним из путей решения этих проблем стало использование методов когнитивной лингвистики, позволяющих выяснить, как представления людей об окружающей политической действительности отражаются в их языке – продукте мыслительной деятельности человека. В настоящее время этот подход стал весьма популярным в исследовательской практике. Из крупных работ в этой области можно привести труд известного американского когнитивного лингвиста Джорджа Лакоффа, в котором демонстрируется, что американские консерваторы и либералы, будучи – и те и другие – приверженцами демократических ценностей, воспринимают мир по-разному, и это, в свою очередь, отражается в продвигаемых ими дискурсах (Lakoff 2002). Российские когнитивные лингвисты также активно занимаются сюжетами, связанными с политическим сознанием. В качестве примеров можно привести попытки анализа семантического развития понятия «демократия» в российском политическом дискурсе на основе выступлений президентов и предвыборных программ политических партий в РФ (Гаврилова 2014), а также исследования идеологически нагруженного концепта «демократия» в современной лингвокультуре США (Филиппова 2007).

Тем не менее современные работы в этой сфере обычно концентрируются на каком-либо одном лингвистическом ареале (американском, российском и т. д.). Монография польской исследовательницы М. Гжешчак (Grzeszczak 2015) является редким примером использования методов когнитивной лингвистики в компаративистском ключе: автор сравнивает между собой различные представления о демократии в рамках двух разных языковых ареалов – польского и немецкого. Таким образом, учитываются и национальные, и идеологические нюансы в восприятии демократических ценностей. Логично предположить, что польские левые будут отличаться в своем восприятии идей народовластия не только от польских правых, но и от представителей левых движений Германии.

В основе авторского социоисторического и лингво-когнитивного подхода лежит изучение лингво-понятийного конструкта *языковая картина мира* как «определенного комплекса суждений о мире, более или менее укоренившихся в языке, заключенных в значениях слов либо имплицитруемых этими значениями, в котором выражаются признаки и способы существования внеязыковых объектов мира» (*Ibid.*: 19).

В центре внимания М. Гжешчак находится ключевое для когнитивной лингвистики понятие концепта – своего рода базовой единицы языковой картины мира. Автор, вслед за Ежи Бартминьским, полагает, что *концепт*, в отличие от схожего с ним по значению *понятия*, имеет более широкий набор признаков. Концепты «не только мыслятся как понятия, но и переживаются, являются предметом эмоций, симпатий и антипатий» (*Ibid.*: 20). Кроме того, концепты «появляются в языке спонтанно, существуют сами в себе», в то время как понятия возникают «в результате договоренностей» (*Ibid.*).

Представление о концепте рассматривается М. Гжешчак в тесной связи с концепцией *профилирования понятий*, что нашло отражение в названии монографии. В ходе процесса профилирования, как отмечает автор, возникают *профили* – варианты представлений концепта как базового стереотипа. Таким образом, основной замы-

сел исследования состоит в том, чтобы определить сначала базовое значение понятия демократии в польском и немецком языках, затем выяснить, какие *профили* или же *варианты* понимания демократии функционируют в рамках отдельных дискурсов внутри польского и немецкого ареалов. Так, автор выделяет либерально-демократический, правоцентристский, левый, феминистский, ультраевый дискурсы, а также различные формы конфессионально окрашенных дискурсов в рамках католической и евангелической церквей. Наконец, целью автора является сопоставительный анализ профилирования рассматриваемого понятия в обоих языках.

Источниковедческую базу работы составляют три типа лингвистических данных: системные (34 польских и 39 немецких словарей), анкетные и текстовые (пресса, предвыборные программы партий и т. п. подобные материалы, отражающие различные идеологические и мировоззренческие позиции) (Grzeszczak 2015: 22).

Во введении приводится краткий обзор представлений о демократии в мировой истории (примеры античных греческих полисов, «народной демократии» в странах социалистического лагеря и т. д.), а также в политическом сознании немцев и поляков до 1989 г. Первая часть монографии (главы I–II) посвящена теоретическим вопросам. В главе I обсуждается методология и терминология исследования; в главе II обзорно рассматриваются интерпретации понятия *ценность* в рамках психологии, социологии, философии и в особенности – аксиологической лингвистики, поскольку автор рассматривает демократию в том числе как один из видов ценностей.

Вторая часть (главы III–VI) носит аналитический характер. В III и V главах М. Гжешчак исследовала сущность концепта демократии в польском и немецком языках, а в четвертой и шестой рассмотрела, как эти концепты профилируются в рамках польской и немецкой лингвокультур. Автор, вслед за крупным американским политологом Робертом Далем, подчеркивает, что в рамках политического дискурса демократия воспринимается двояко. С одной стороны, под демократией подразумевают определенный политический идеал. С другой стороны, этим же понятием обозначают ре-

альное политическое устройство общества, имеющее как достоинства, так и недостатки (Grzeszczak 2015: 7).

На основе этой методологической установки исследовательница выделяет два пласта в риторике политических дискурсов. В рамках первого пласта выделяются профилирующие, с точки зрения представителей того или иного дискурса, черты демократии как политического идеала. Во втором пласте указываются отрицательные, по их мнению, стороны демократии как политического режима. Так, например, в рамках польского правоцентристского дискурса демократия выступает в ряду таких понятий, как «право», «правовое государство», «свободный рынок», «свобода слова», «равенство граждан перед законом» и т. д. Подчеркивается, что в основе демократии лежат «незыблемые ценности» (*stałe, niezmiennie wartości*). В то же время демократия как политический режим противопоставляется строю, существовавшему во времена социалистической Польши (*Ibid.*: 120). В рамках того же правоцентристского дискурса главной угрозой для демократии в современной Польше считаются посткоммунистические элиты (то есть бывшие функционеры Польской объединенной рабочей партии, сумевшие удержаться при власти в капиталистический период). Указывается, что они «портят» демократическую систему, отходят от построения свободной рыночной экономики в пользу коррумпированной олигархии (*Ibid.*: 165).

В заключительной части монографии подводятся итоги исследования, а также непосредственно реализуется компаративистский аспект работы. Так, например, на уровне концепта, как отмечает М. Гжешчак, в польском языке демократия противопоставляется тоталитаризму, а в немецком – диктатуре и фашизму. В польском дискурсе негативные стороны демократии ассоциируются с коррупцией и безработицей, а в немецком – с нежеланием граждан участвовать в политике (*Ibid.*: 303).

Из авторских выводов можно сделать также весьма интересное заключение – польский политический дискурс оказывается гораздо более поляризованным, чем немецкий. В Польше либерально-демократический (умеренный), либерально-католический, левый и феминистический дискурсы признают необходимость мировоззренче-

ского и аксиологического плюрализма, защиты права разных меньшинств следовать своему собственному видению мира. В то же время правоцентристский, католический и национально-католический дискурсы явно исключают аксиологический и мировоззренческий плюрализм из ряда демократических ценностей. С их точки зрения, демократия должна основываться на «непреходящих ценностях» (*trwale wartości*) (Grzeszczak 2015: 304). При этом в немецком политическом сознании такого четкого разделения в вопросе об отношении к меньшинствам нет: все политические дискурсы Германии (из тех, что рассмотрены в обсуждаемой монографии) так или иначе выступают за культурное многообразие и толерантность (включая правоцентристский, а также католический и евангелический) (*Ibid.*: 306).

М. Гжешчак оставляет открытым для дальнейших исследований вопрос о качественном различии польской и немецкой демократии; иными словами, вопрос о том, является ли Германия более демократичным государством, чем Польша (*Ibid.*).

Несомненной положительной чертой данной монографии следует считать то, что автору удалось проанализировать значительный массив эмпирических данных, который будет интересен специалистам по когнитивной лингвистике, политологам, историкам, культурологам, философам и другим специалистам-гуманитариям, занимающимся современной Польшей. Выработанные при этом анализе подходы могли бы быть использованы, например, при сравнительном изучении уровня политической культуры разных европейских народов. Кроме того, стоит отметить, что исследовательница сопровождала каждую главу обширной заключительной частью. Лучшему пониманию авторской концепции также способствуют сводные таблицы после четвертой (*Ibid.*: 180–187) и шестой глав (*Ibid.*: 295–303), в которых, исходя из ценностных оснований, проводится сравнение профилирования демократии в различных типах общественных дискурсов Польши и Германии. При этом особо отмечается то, как в разных дискурсах воспринимаются такие ценности, как свобода, равенство, плюрализм, каково отношение к меньшинствам, к церкви и т. д. Сведения, сгруппированные в таблицы, наглядно демонстрируют, что в Польше вопрос отноше-

ния к католической церкви стоит намного более остро, чем в Германии. Если польский ультралевый дискурс признает католическую церковь «антидемократическим институтом», то представители ультралевого дискурса в Германии вообще не затрагивают этот вопрос – в соответствующей графе стоит «пропуск».

В то же время работа М. Гжешчак может вызвать ряд вопросов. Так, не совсем ясно, на основании какого критерия автор выделяет либерально-демократический (он же умеренный), правоцентристский, левый, католический, евангелический (только в случае Германии) дискурсы. В случае Польши католический дискурс делится еще по меньшей мере на три подтипа – собственно церковный (*kościelno-katolicki*), либерально-католический и национально-католический. Из текста работы со всей очевидностью вытекает, что в каждом из этих дискурсов имеется свое понимание демократических ценностей. Например, в национально-католическом дискурсе плюрализм мнений является ценностью только при обязательном уважении положений христианской этики, в то время как левые движения считают допустимыми разные мнения о католической церкви. Интересно было бы уточнить критерии выделения отдельно правого и центристского дискурсов. При наличии ультралевого дискурса отсутствует вполне реально существующий в Польше ультраправый дискурс, представленный, например, таким политическим деятелем, как Януш Корвин-Микке. Возникает также вопрос, почему феминистский дискурс рассматривается отдельно от левого дискурса вопреки существующей традиции. Естественно, любая исследовательская категоризация в какой-то мере является искусственной, не отражающей всей сложной палитры общественного мнения, однако, на наш взгляд, мотивированная этим обстоятельством определенная упрощенность классификации М. Гжешчак не находит в монографии достаточно полного обоснования.

Среди прочего, не совсем ясно, почему Ежи Урбана¹ и его сатирический общественно-политический журнал «Нет» (пол. *Nie*) автор относит к ультралевому дискурсу. Действительно, сатирик,

---

¹ С 1981 по 1989 г. пресс-секретарь правительства ПНР. С 1989 г. по настоящее время – журналист и издатель.

в отличие от представителей остальных выделенных М. Гжешчак дискурсов, весьма критически относится к самой идее демократии (называет ее «забавой для элит»). Кроме того, Е. Урбан положительно относится к политической системе ПНР, полагая, что там было больше свобод, чем в современной Польше (в частности, в ПНР существовала свобода курения в общественных местах) (Grzeszczak 2015: 155). По-видимому, автор решила отнести этот журнал к ультралевому направлению из-за его категорического неприятия современной польской демократии. Однако отрицательное отношение Урбана к политической системе современной Польши и положительное восприятие ПНР, как нам кажется, не делает его ультралевым радикалом. Его деятельность во многом перемежается с общественным эпатажем. Это заметно, в частности, в случае с указанным выше примером о курении в общественных местах, направленным скорее на провокацию читателей, а не на серьезную пропаганду сталинских, ленинских, троцкистских, маоистских, анархических или любых других идей, которые обычно ассоциируются с ультралевым движением.

Отметим также, в случае Польши автором не были проведены линии, ведущие от различных типов дискурса к политическим движениям и олицетворяющим их лидерам. Какого рода дискурс характерен, например, для «Права и справедливости» или «Гражданской платформы»? В случае Германии такие соответствия установлены, хотя их число ограничено. Одним из примеров проведения подобной линии является Ангела Меркель, которую М. Гжешчак по умолчанию причислила к представителям правоцентристского дискурса (мнение немецкого канцлера приводится во втором параграфе VI главы, посвященном данному типу дискурса): «Канцлер Ангела Меркель отождествляет свободу с такими ценностями и установками, как удовлетворенность результатами работы, развитие личности, положительное отношение к многообразию культур и мнений, неодобрение стремления к унификации общества, личная ответственность» (*Ibid.*: 233).

Наконец, во введении, а также в аналитических главах автор обзорно рассматривает историю представлений о демократии в общественном сознании польских и немецких граждан до 1989 г.

Возможно, стоило бы отметить, что при всех культурных различиях Германия и Польша имеют общие корни в рамках латинской цивилизации. Может быть, принадлежность обоих обществ к западной культуре отразилась и на их представлениях о демократии? И почему традицию немецкой демократии автор отсчитывает лишь с XIX в. (Grzeszczak 2015: 274)? Ведь еще с XIII в. существовало так называемое *Магдебургское право* – одна из самых известных городских правовых систем в Европе, по которому немецкие города получали широкое самоуправление и привилегии. Более того, это городское право распространялось и на ряд городов Речи Посполитой. Очевидно, что средневековые привилегии бюргерства еще нельзя считать полноценной демократией, однако продвигаемые таким образом элементы правовой государственности можно считать (в рамках западной политической традиции и с некоторой долей условности) прологом современных демократических институтов. В связи с этим было бы весьма интересно осветить вопрос, как немецкие представления о демократии могли повлиять на польскую традицию (а может быть, и *vice versa*?). В рассматриваемой же монографии польский и немецкий дискурсы представлены, скорее, как два параллельных мира, исторически развивающиеся отдельно друг от друга.

Кроме того, несколько спорным выглядит выдвинутый во введении тезис автора о том, что «период разделов [то есть эпоха с 1795 по 1918 г., когда Польша не существовала как независимое государство] не способствовал развитию демократии» (*Ibid.*: 8). Страны, разделившие Речь Посполитую в конце XVIII в., пусть и в ограниченной форме, но все же внедряли демократические институты и органы политического представительства в польских землях. Так, в 1815–1831 гг. существовало Царство Польское – королевство, находящееся в династической унии с российской монархией. Этому политическому образованию была дарована конституция, предусматривавшая наличие собственного польского парламента – сейма, избираемого на основе имущественного ценза. Число избирателей, конечно, составляло тогда лишь около 4 % от общей численности населения. Однако это было намного больше, чем, например, в тогдашней Франции Бурбонов периода Реставрации,

где избирателей было всего 72 тыс. человек на 30 млн населения (Рольф 2020: 39). Конечно, этот опыт был непродолжительным: после подавления польского восстания 1830–1831 гг. власти Российской империи упразднили конституцию и сейм. Однако даже этот в итоге отрицательный опыт демонстрирует, что для польского политического дискурса того времени идея выборной власти была естественной.

Наконец, даже в отсутствие польской государственности польская политическая мысль активно развивалась в эмиграции, и идеи демократии занимали далеко не последнее место в проектах польских деятелей (см. подробнее: Фалькович 2017). Примечательно, что сама же М. Гжешчак в III главе упоминает о возникновении в рамках эмиграции в 1832 г. Польского демократического общества, «одного из самых массовых и важнейших политических движений Великой эмиграции» (по ее же словам), нацеленного на установление республики, наделение крестьян землей и уничтожение аристократических привилегий (Grzeszczak 2015: 156). Появление организации с подобным названием и намерениями, пусть и в эмиграции, явно свидетельствует в пользу того, что в польском политическом дискурсе того времени идеи демократии развивались и пользовались значительной популярностью².

Рубеж XIX–XX вв. был ознаменован еще большим проникновением демократических идей в польское политическое сознание. Примечательно, что созданная в этот период национально-консервативная, католическая и антисемитская партия Романа Дмовского (вместе со своим политическим конкурентом Юзефом Пилсудским считается «отцом» польской независимости 1918 г.) именовалась «Национально-демократической» (Kieniewicz 1998: 390). Очевидно, что националистическая организация не использовала бы прилагательное «демократический», если бы идеи демократии не были популярны в политическом сознании. Краткое рассмотрение фигу-

---

² Конечно, нужно учитывать, что в XIX в. сколько-нибудь развитым политическим сознанием обладала только узкая прослойка образованной страты общества. Когда мы говорим о популярности тех или иных идей в то время, мы имеем в виду именно образованное меньшинство.

ры Р. Дмовского в работе к тому же позволило бы провести линии между национально-демократическим движением первой половины XX в. и выделяемым автором современным национально-католическим дискурсом.

Таким образом, приведенные нами примеры демонстрируют, что период 1795–1918 гг. был весьма важным для развития представлений о демократии в Польше. По-видимому, истоки современных рассматриваемых М. Гжешчак политических дискурсов в польском обществе в определенной мере восходят именно к этой эпохе.

Исторического измерения временами не хватает и в случае исследования уже современных политических дискурсов Германии и Польши в период с 1989 по 2009 г. М. Гжешчак не выделяет какие-либо этапы в развитии того или иного дискурса. Очевидно, что взгляды людей и тем более их идейно или политически консолидированных объединений на то или иное явление со временем могут меняться, и это в особенности характерно для современного общества, переходящего к постиндустриальному типу развития.

Польское общество пережило глубокую социально-экономическую трансформацию – от плановой социалистической системы к свободному рынку и политическому плюрализму. Вполне очевидно, что в 1989 г. люди воспринимали демократические ценности иначе, чем в 2009 г. Крупнейшие политические партии современной Польши – «Право и справедливость» (правая) и «Гражданская платформа» (правоцентристская) вообще сформировались только в 2001 г. А влияние Союза демократических левых сил, одной из сильнейших польских политических партий в 1990-е гг.³, значительно сократилось в сравнении с двумя указанными выше организациями периода 2000-х гг. Пертурбации на политической сцене, угасание одних движений и возвышение других явно свидетельствуют о том, что общество в разные годы отдавало предпочтение разным представлениям о демократии.

---

³ Издания, которые поддерживают это движение (газета *Trybuna* и др.), М. Гжешчак относит к левому дискурсу. Председатель данной партии в 1990–1995 гг. А. Квасьневский с 1995 по 2005 г. два срока подряд занимал пост президента Польши.

В случае Германии ситуация осложняется тем, что это государство в современном виде оформилось в 1989 г. после *de facto* вхождения социалистической ГДР в состав капиталистической ФРГ. В Восточной и Западной Германии демократические ценности явно понимались (а возможно, и сейчас понимаются) по-разному. Возникает закономерный вопрос: как это различие сказалось на представлениях о демократии в современной Германии? К сожалению, М. Гжешчак не дает развернутого комментария по этому вопросу, ограничиваясь только отдельными замечаниями. Например, автор указала, что берлинский крайне левый журнал *Junge Welt* был основан еще во времена ГДР и был самым популярным изданием этой страны (Grzeszczak 2015: 270). Однако исследователь не дает комментариев по поводу того, как восточногерманский интеллектуальный багаж мог повлиять на формирование современной концепции демократии в рамках редакционной политики этого журнала.

Тем не менее в силу объективных причин никакая работа, как правило, не может охватить одинаково глубоко каждый из рассматриваемых в ней аспектов. Возникающие по ходу чтения вопросы не отменяют того обстоятельства, что работа М. Гжешчак представляет собой замечательный пример социоисторического и этнолингвистического исследования, в котором структурированно, на высоком методологическом уровне проанализирован обширный эмпирический материал, ценный в том числе и для междисциплинарных изысканий.

Литература

Гаврилова, М. В. 2014. Семантическое развитие понятия «демократия» в русском политическом дискурсе. *Символическая политика* 2: 250–264. М.: ИНИОН РАН.

Рольф, М. 2020. *Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой*. М.: Новое литературное обозрение. 576 с.

Фалькович, С. М. 2017. *Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века*. М.; СПб.: Нестор-История. 320 с.

Филиппова, М. А. 2007. Концепт «Демократия» в американской лингвокультуре. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета* 2: 18–22.

Grzeszczak, M. 2015. *Pojęcie demokracji i jego profilowanie w polskim i niemieckim dyskursie publicznym (1989–2009)*. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II. 344 s.

Kieniewicz, S. 1998. *Historia Polski 1795–1918*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 616 s.

Lakoff, G. 2002. *Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think*. Chicago: University of Chicago Press. 471 pp.